

НАСЛЕДИЕ БОГОВ

Алексей Корепанов

Книга 1

МЕСТЬ ТРИЕДИНОГО

Если бы боец Звездного флота Империи Рома Юнион Кристиан Габлер знал, чем для него обернется военная кампания на планете Нова-Марс, то он бы предпринял все возможные методы, чтобы туда не попасть. Нельзя просто так прилететь и начать убивать под небом чужих богов, не любят они такого. И уж тем более не пошел бы в отпуск, зная наперед, чем он закончится...

Он всю жизнь мечтал командовать космическим кораблем, а не подчиняться чужим приказам. Но увы, эта мечта так и осталась мечтой. И нельзя его судить за это...

Алексей Корепанов

Месть Триединого

НАСЛЕДИЕ БОГОВ:

Месть Триединого.

Сокровище Империи.

Оружие Аполлона.

Копье и кровь.

Крис Габлер, монотонно моргая и с трудом подавляя желание зевнуть, глядел сквозь тонированное днище флаинга на однообразные красноватые пески. Они все тянулись и тянулись под брюхом «летающей сосиски», будто у местной природы не нашлось под рукой никакого другого материала для сотворения ландшафта. Утро было серым и дождливым, лучи здешнего солнца, Сильвана, не могли пробиться сквозь сплошное покрывало туч, и Габлера со страшной силой клонило в сон. Легкий гул двигателя напоминал колыбельную на чужом языке. Чем больше спишь, тем меньше времени для службы — аксиома. Но применить ее сейчас не было никакой возможности.

Сидящий напротив усатый вигион¹ Андреас Скола неутомимо водил прищуренными глазами справа налево и слева направо, словно сканируя унылую рыжую пустыню в глубине одного из континентов Нова-Марса. И вид у него, в отличие от подчиненных, был вовсе не сонный.

В салоне флайнга почему-то едва ощутимо пахло хвоей — нос Габлера, как всегда, не давал ему спокойно жить. Излучатель давил на колени.

«Как хорошо быть вигионом... как хорошо быть вигионом, лучше работы я вам, пожалуй, не назову...» — вяло подумал Крис, вспомнив давнюю песенку детских лет.

А еще лучше — капитаном... Командовать космическим кораблем, скользя от звезды к звезде, наслаждаясь свободой, а не сидеть вместе с сослуживцами в чреве флайнга, подчиняясь чужим командам.

Но стать капитаном не получилось. И не было в этом его, Криса, вины...

Глава 1. «Это твой мир!»

¹ Вигион — командир вигии (от лат. viginti — двадцать), подразделения из двадцати человек. (Здесь и далее — примечания автора.)

57 год Третьего Центума

Крис до сих пор хорошо помнил тот день, когда решил стать космическим капитаном. Ему было тогда без двух месяцев четыре, и он с родителями жил в Супергольме, на славной планете Форпост в системе Вулкана. И еще не был знаком с Эриком Янкером, хотя тот проживал всего в двух кварталах от дома Криса.

Крис играл в своей детской, как всегда поменяв приглушенные зеленоватые цвета, полезные, по словам отца, для глаз, на яркие, взрывные, феерические, типа рождения сверхновой, — именно такие считал полезными он, и был полностью поглощен тем спектаклем, который сам же для себя и разыгрывал. Крошечные файтеры² — он придумал им ярко-красные боевые комбинезоны с золотым орлом на эмблеме, — подчиняясь его командам, шли с излучателями в руках на штурм Черной цитадели. Черная цитадель явно была обречена...

И в тот момент, когда ослепительные узкие лучи вонзились в огромные мрачные ворота

² Файтер — боец Стафла, Звездного флота (от англ. star fleet — звездный флот).

крепости инопланетных злодеев, в детскую вошел отец.

— Файтеры, на взлет! Дан приказ: «Вперед!» Не горюй, народ, — Стафл не подведет! — выпалил он давно известные Крису стишки из мультяшной арты³ о Капитане Непобедимом и едва уловимым жестом выключил игру. — Кри, дай своим эфесам⁴ отдохнуть, эти дульварии никуда от них не денутся. Автохтонам в играх всегда некуда деваться! У меня есть кое-что поинтересней для тебя, сынок.

Отец тут же, ловко избегая недовольного взгляда Криса, перевел освещение в привычные зеленоватые тона и выставил перед собой раскрытую ладонь с серебристым кристаллом объемки.

— Вот это, сынок, стоит всех твоих файтеров, вместе взятых. Это отличная инфа. Смотри и слушай. Пора тебе понять тот мир, в котором ты живешь. В котором все мы живем.

Сказав это, отец включил объемку и опустил на зеленую воздушную подушку рядом с сыном. Его длинные темные волосы были, как обычно, собраны в хвостик на затылке.

³ Арта, арт-объемка, объемка — «потомок» кино.

⁴ Эфесы — жаргонное название файтеров.

— Внимание, Кри!

Воздух посредине детской сгустился и превратился в большущую, чуть ли не от пола до потолка, темную сферу с множеством разноцветных светящихся точек внутри.

Отец положил руку на плечо Крису и пояснил:

— Это наш мир, сынок. Вон, видишь, фиолетовая точка? Это наша планета, Форпост, а вон та желтенькая яркая звездочка поблизости...

— Вулкан! — выпалил Крис. — Наше солнышко!

Отец кивнул с довольным видом, и тут откуда-то из глубины сферы раздался мягкий мужской голос, похожий на тот, что по утрам сообщал всякие новости маме и папе, когда Крис еще лежал в постели:

— Здравствуй, маленький ромс! Тебе неслыханно повезло: ты, как и все жители Ромы Юниона⁵, нашей великой Империи, родился в огромной звездной стране, которую мы называем Виа Лактеа, или Млечный Путь — это наша Галактика. Она сейчас перед тобой, наша звездная страна. Это твой мир! Ты видишь, сколько в нем обитаемых планет, ты видишь, сколько маршрутов

⁵ Рома Юнион — на языке Империи, терлине (от лат. *terra lingua*), означает «Римский Союз».

протянулось от планеты к планете. Мы с тобой живем в эпоху расцвета нашей великой Империи, а начиналось все давным-давно, вот у этой звездочки. — Один из желтых огоньков внутри полной звезд сферы вспыхнул, как фонарик файтера, и стал заметно больше других. — Это звезда Солнце. Наши предки жили на третьей от этой звезды планете. На планете, которая называется Земля...

— Я знаю такую! — радостно заявил Крис, поворачиваясь к отцу. — У меня в игре...

Отец прижал палец к губам:

— Тсс! Слушай. Сейчас тебе всё-всё расскажут.

И рассказали.

Кое-что Крис уже знал — все-таки ему было уже почти четыре! — но многое услышал впервые.

Возможно, далеко не всё об освоенном мире он почерпнул именно из этой объемки; возможно, какие-то сведения получил уже позже, в школе. Но осталось у Криса от того памятного дня не тускнеющее впечатление: будто он встал утром, и за окном открылось ему много-много всяких сценок, словно в игре, и сценки эти были хоть и новыми, но очень понятными. Податливое его сознание без усилий восприняло ту схему, которая раньше или позже укладывалась в голове у каждого ромса — далекого потомка жителей планеты Земля.

Можно относиться к предкам как угодно, но главным, наверное, было то, что они не только жили под лучами своего Солнца, но и занимались наукой. И предпринимали множество попыток выбраться с Земли на другие планеты.

С родной системой землянам не повезло: хоть и немало в ней было планет, однако ни одна из них не годилась для жизни. «Терраформирование» — красивое слово, но не более. Крис читал потом об этом в фантастических книгах; дома у них была целая коллекция этих древних бумажных штучков, которые собрал еще бог знает какой прапрадед. В отличие от многого другого, что в этих книгах описывалось и в чем он впоследствии не раз убеждался, восхищаясь пророчествами фантастов прошлого (или это потомки все делали по этим книжкам?), терраформированием в широких масштабах так и не начали заниматься. Ни средств, да и просто терпения человеческого не хватало на то, чтобы сделать пригодными для обитания планеты системы Солнца — Марс или Венеру, Луну или Меркурий. Хотя из Марса все-таки пытались вылепить хоть что-то более-менее подходящее для жизни. Но он так и остался единственным объектом системы, подвергшимся крупномасштабным преобразованиям.

Надо отдать должное предкам. Они не пали духом и придумали великолепную штуку: сабы.

Крис сразу понял, что это за конфетка. Подпространственные тоннели, которые предки прокладывали наугад, могли вывести куда угодно в пределах Виа Лактеа, и там, за ними, разведчики имели неплохой шанс натолкнуться на какую-нибудь вполне приличную в смысле подходящих для жизни условий планету.

И наталкивались! Да еще как наталкивались!

Первый саб был создан в системе Солнца, где-то неподалеку от тамошнего пояса астероидов между орбитами Марса и Юпитера, и этот шаг наудачу привел к успеху. Прелестная планета, которую называли Великолепной, кружила вокруг желтого карлика, получившего имя Церера, и не только вполне годилась для колонизации, но уже была обитаемой. Риги и прочие автохтоны оказались миролюбивыми и впоследствии отлично уживались с колонистами.

И — прорвалось, и посыпалось, как из дырявого пакета. Роуз... Нова-Марс... Китеж... Рома... Нирвана... Парадиз... Натали... Единорог... Гея... Лавли... Ковчег... Потихоньку умолкли горе-пророки, вещавшие о гибели человечества из-за слишком быстрого его прироста. Не люди — но человеческие зародыши отправлялись сквозь тоннели-сабы в неизведанные космические дали, чтобы в других мирах, под опекой наставников, дать начало новой

цивилизации. Коренные жители, а такие были на многих планетах, жили в ладу с колонистами — места всем хватало. Так говорилось в объемке.

Планета Земля прирастала колониями, и владения ее простирались все дальше и дальше в иные миры.

Колонисты седой древности, перебираясь за земные моря-океаны, теряли всякую связь с теми, кто остался дома. В отличие от них, со связью в космическом мире землян было все в порядке. В той же объемке маленький Крис увидел удивительные создания, похожие на огромных рогатых бегунцов, что водились в лесах вокруг Супергольма. Однако это были не животные, это были сложные аппараты — трансеры, которые почти непрерывно курсировали по сабам из конца в конец, передавая сообщения туда и обратно.

Внеземных колоний становилось все больше, число их перевалило уже за три десятка — и на этом, как говорилось в объемке, была поставлена точка. Кому и зачем нужны лишние территории? «Всему есть мера» — высказывания древних римлян Крис с самого детства встречал едва ли не каждом шагу, на красивых, под мрамор, разноцветных плитах, хотя по малолетству не очень задумывался о смысле этих изречений.

Земля разрасталась чуть ли не до масштабов Виа Лактеа, и эти пространства нужно было

защищать. Да, ни на каких космических горизонтах не было видно врагов, но ромсам следовало быть начеку. «Хочешь мира — готовься к войне». Еще одно высказывание из времен Древнего Рима.

Тревога нарастала по мере того, как сообщения о давних нашествиях пришельцев с небес обнаруживались то в одной, то в другой хронике автохтонов, населявших разные планеты Виа Лактеа. Конечно, можно было списать все это на местный фольклор... но уж больно похожими были детали такого фольклора. И из всех этих писаний явствовало только одно: некие чужие не только присутствовали в Виа Лактеа, но и действовали, причем действовали агрессивно... Да, речь шла о прошлых временах, — но где гарантия, что прошлое не вторгнется в настоящее? И вот тогда-то и было принято решение о создании Стафла. И он возник во всей своей красе.

Крис с восторгом внимал тому, что говорил мягкий обволакивающий голос.

Стафл — Звездный флот... Армада, которую не по силам победить никакому неприятелю. Неисчислимое множество космических кораблей, базировавшихся на самых удаленных планетах каждой обжитой системы и готовых в любой момент дать бой любому врагу. Надежно охранявших Конфайн — границы Империи. Крис отлично разобрался в них благодаря своим детским

играм. Изящные серые биремы — разведчики, способные проскользнуть хоть и в недра зловещих черных дыр и беспрепятственно выбраться оттуда... Крейсера — огромные боевые корабли, что могли залпами своих лучевых пушек размазать по стенкам Вселенной не то что какого-нибудь чужака — целую галактику... Либурны — юркие десантники, чувствовавшие себя одинаково уверенно как в космической пустоте, так и в атмосфере... Ротунды — похожие на объевшихся удавов транспортники, девиз которых: «Туда доставим без проблем, а оттуда — если будет кого»... Хайвы — пузатые спейсматки, готовые вместить в свое брюхо кучу транспорта, всякой боевой техники, а заодно и население чуть ли не целой планеты...

Стафл. Звездный флот. И он действительно не подведет!

Держитесь, чужаки, держитесь, иные, если вы притулились где-то там, в разных звездных углах и закоулках. Стафл вытащит вас оттуда и прищемит вам хвост, и научит вас разговаривать на терлине, языке Империи, а не на вашем варварском наречии!

Да, планета Земля была когда-то самой главной. Как Рио на Форпосте — столица, большущий город, где Крис уже побывал вместе с отцом. Вот такой столицей была когда-то в Империи и Земля. «Метрополия», — сказал мистер

из объемки. И, оказывается, на Земле некогда жило множество каких-то странных ромсов, веривших в некое зазвездное существо — Аллаха, ради которого эти ромсы готовы были жизни положить — как свои, так и чужие — и заставить всех других верить в своего Аллаха. И они, как сказал арта-мистер, развязали на Земле уродскую атомную войну. Половина Земли превратилась в черную пустыню (такое Крис не раз видел в своих играх), а население другой половины не желало больше жить на изуродованной планете и потянулось в колонии. И на Земле наступило великое запустение. Хотя, конечно, было много и тех, кто остался на родной планете.

И вот тут-то и началось...

«Что такое эта несчастная Земля? — вопили колонии. — Почему она должна нам что-то указывать? Мы и сами с усами! С чего это вдруг мы должны слушать распоряжения из какой-то занюханной полупустыни?» В объемке, разумеется, употреблялись другие слова, но Крис не первый день жил на свете и прекрасно понимал, что имеет в виду арта-мистер. Да и довольно регулярное общение с прадедом Хенриком приносило свои плоды. А может, суть конфликта он ухватил уже позже?

«Земля нам не указ!» — все чаще повторяли колонии.

И это при том, что главное учреждение, ведавшее делами как Земли, так и новых миров, — Организация Объединенных Наций — продолжало существовать и в полупустыне.

Крису это было не особенно интересно, но он узнал, что в один прекрасный день на планете Рома было подписано соглашение о равноправии. Посланники всех колоний (Землю же представлял генеральный секретарь ООН) решили создать Рому Юнион, всю власть в котором должен осуществлять Сенат. И с этой поры Земля превратилась в совершенно обычную планету, ничуть не лучше других. Ее представитель имел один голос в Сенате — не более. Она теперь уже не была «первой среди равных».

Дальше в объемке пошли всякие подробности, и Крис чуть не задремал. Но все же он уяснил, что после образования Ромы Юниона начались в Сенате такие схватки — куда там его играм с отважными файтерами!

Дабы положить конец всем этим бесконечным препирательствам, Сенат выдвинул из своего состава сначала правящий Нонавират с непостоянными членами, потом на смену ему пришел Септавират... Квинтавират... Триумвират... И наконец, во главе Сената встал один-единственный Цезарь, слово которого было решающим.

Цезарь не обладал наследственной властью, но все чаще и чаще эта должность голосованием Сената вручалась представителю планеты Рома из системы Помоны.

Так продолжалось довольно долго, но не вечно. Прошло сколько-то там лет (Крис уже не следил за хронологией, ему это было неинтересно), и пост Цезаря перешел к представителю планеты Виктория. «Пришел, увидел, победил», — внушительно сказал мужской голос, имея в виду Цезаря Бертрана, возглавившего Сенат в 12 году Третьего Центума. Именно Цезарь Бертран переименовал эту вторую планету системы звезды Юпитер в Вери Рому, то есть «Истинный Рим», и с тех пор Рому Юнион все чаще величали просто Империей.

«У нас настоящая Империя, а не какой-то там шаткий союз племен, — не раз говорил Крису отец. — Гордись этим, сынок».

А однажды, взглянув на жену, с улыбкой добавил:

«Если бы не Империя, твоя мама вряд ли смогла бы переселиться сюда со своей захолустной Нирваны. И я бы с ней не встретился...»

Планета, где родилась мама, находилась далеко-далеко от Форпоста, в системе Карменты, и мама иногда навещала родные края.

«Ты живешь в великой Империи, маленький

ромс, — продолжал говорить обволакивающий голос. — Глава Сената мистер Аллен Сюрре, которого все мы называем Цезаром Юлием, денно и ночью заботится о том, чтобы всем нам — и тебе, и мне, и твоим родителям, друзьям и знакомым — жилось хорошо и спокойно. Он управляет Империей из столицы — прекрасной Грэнд Ромы на планете Вери Рома, но знает, что происходит в каждом уголке наших звездных владений. Ты вырастешь, маленький ромс, и, конечно же, всю свою жизнь будешь стремиться делать так, чтобы наша звездная страна, наша великая Империя процветала, и чтобы каждый ее житель мог сказать: «Я счастлив оттого, что жизнь моя течет спокойно и удачливо в этом мире». Так живи и радуйся, маленький ромс, — в великой Империи для тебя нет ничего невозможного, и перед тобой открыты все пути. Будь тем, кем пожелаешь, и пусть долгим и счастливым окажется твой жизненный путь! Ты — житель Империи, и Империя будет всегда с тобой!»

И мощные голоса невидимого хора слились в величавой и в то же время задорной песне, от которой у Криса по спине побежали мурашки восторга:

От Грэнд Ромы до глухих окраин,
С гор Ковчега до земных морей

Всюду ромс проходит как хозяин
Необъятной Родины своей...

Возникали в детской, сменяя друг друга, изумительные пейзажи разных планет Империи — прекрасные города, зеленые равнины, величественные горы, безбрежные моря, бескрайние леса, прозрачные озера. Пейзажи эти чередовались с головокружительными видами космических далей. Разметав протуберанцы, пылали в черноте светила, бороздили пространство огромные пассажирские галеры, несли дозор на границах Империи лонги^б, и разноцветные линии маршрутов тянулись от звезды к звезде. Беззаботные пассажиры танцевали в просторных залах галер, а космические капитаны, сидя в креслах, напряженно вглядывались в сумрак Вселенной.

Да, именно тогда Крис окончательно и бесповоротно решил стать капитаном. Но не капитаном пассажирского корабля, что ходит туда-сюда, от планеты к планете, одними и теми же маршрутами, а капитаном, прокладывающим дорогу к новым, неизвестным мирам. Перед ним,

^б Лонги — боевые космические корабли разного класса (от лат. *navis longa* — военный корабль).

как и перед любым жителем великой Империи Рома Юнион, были открыты все пути.

Он еще не знал, какую печальную роль в его жизни сыграет Эрик Онью Янкер по прозвищу Улисс, кросс⁷, который жил совсем неподалеку от него, Кристиана Конрада Габлера, и, наверное, тоже видел эту арт-объемку... Именно Эрик перечеркнул его путь в капитаны.

* * *

60 год Третьего Центума

Крис жил своей полной событий мальчишеской жизнью, не задумываясь над смыслом мироздания и не пытаясь понять, какое он в этом мироздании занимает место. Каждодневных дел хватало с лихвой, а от первой любви к однокласснице он вообще, как ему казалось, едва не сошел с ума.

Между прочим, эта детская любовь, сопровождавшаяся дерганьем за волосы объекта своего чувства и подвигнувшая Крису на «поэтические» опыты («Лия, я люблю тебя! Не

⁷ Кроссы — потомки местного населения планеты (автохтонов) и колонистов.

прожить мне без тебя! Ни одного дня!»), очень помогла ему в дальнейшем. Казалось, он исчерпал себя в том детском порыве, и больше не погружался с головой в состояние любви. Это не значит, что он стал аскетом, отвергавшим все жизненные блага и человеческие радости. Увлечения, конечно же, были — и не два, и не три... но той всепоглощающей влюбленности, которую он пережил в детстве, больше не возникало. А мудрый отец как-то сказал ему: «Крис, когда *это* придет — это придет. Не принимай влюбленность за любовь. Я женился в сорок пять, отгуляв свое, и не бросался направо и налево... Я выжидал, Крис, как выжидает охотник. И оно пришло...»

У Криса не было оснований не доверять отцу. При всех отцовских шуточках, при всем его подхихикивании и этаким веселом, парящем отношении к жизни, только слепой не мог бы увидеть, что отец на самом деле любит маму. Как и она его. Крис вырос в атмосфере этой любви и буквально купался в ее лучах. Детство его было беззаботным. Впрочем, как и детство любого ромса.

Так он считал тогда. Точнее, ничего он не считал, а просто жил, как жили миллионы таких же, как он, на разных планетах великой Империи.

...Каждое лето, когда Синяя река, рассекающая Супергольм, мелела, и вода в ней становилась совсем теплой и не синей, а

зеленоватой, к ним в гости приезжал прадед Хенрик. Из-за гор своих, из-за степей.

Прадеда Крис помнил столько же, сколько помнил себя. Прадед приезжал, прадед врывался в дом, огромный, сутулый, с мохнатыми бровями — и после этого все в доме шло кувырком. Хенрик привозил с собой какое-то уникальное вино и пил его вместе с отцом в дальней комнате. И неслись тогда оттуда всякие слова, которые Крис слушал, едва догадываясь об их значении.

Один такой разговор он запомнил очень хорошо.

— Император — козел! — вдруг завопил прадед.

Крис был образованным мальчиком и знал, что козел — это такое древнее рогатое животное, которое когда-то держали в своих хижинах первобытные земляне. Называть кого-то козлом считалось нехорошим тоном, хотя Крис понять этого не мог. А чем козел хуже смердючей буравки?

— Дед, дорогой, опомнись, — услышал он голос отца. — Чем это Босс тебе не угодил? По-моему, он тебя не трогает, жить не мешает.

— Не мешает жить?! — еще больше повысил голос прадед. — Да он лезет туда, куда не следует лезть! А ну-ка, как раньше называлась планета Орк? А-а, не знаешь? Она называлась Яркая! Яркая,

понимаешь, Антонио?

Вообще-то, отца Криса звали Конрад-Антонио, но Хенрик своего внука никогда Конрадом не называл.

— А он приклеил ей имя проводника покойников! — продолжал прадед. — Орк — это бог смерти в Древнем Риме! Твой Босс помешался на своем Древнем Риме! Да и наш Вулкан назывался Гелиосом! А Солнечная?

— Какая такая Солнечная? — удивленно спросил отец.

— А такая Солнечная, Антошка! Возле которой три Авалона бегают. И где теперь эта Солнечная? Давно нет никакой Солнечной! А есть Геката — богиня мрака! Тот же Древний Рим! То смерть, то мрак! В общем, как всегда, как во все времена: чья власть, того и вера...

— Да плюнь ты, дед, — сказал отец, и слышно было, как он, постукивая бутылкой о край бокала, вновь наливает вино. — Не он ведь, кажется, начал, так? Ну, все эти переименования звезд на иной лад, согласно древнеримскому пантеону... Еще до него постарались, правильно? И разве это самое главное? Да пусть как угодно называет! Рим, не Рим, какое это имеет значение? Как цветок ни назови, он все равно красив! Главное, что живется нам хорошо. Уж этого ты не будешь отрицать?

— Кому — нам?! — вновь завопил Хенрик. —

Тебе? Мне? Лане твоей, нирванке? А ты хоть что-то знаешь о риголах? Система Вертумна, планета Роуз. Роуз! Слышал о такой? Ты знаешь, как эти риголы дрались против колонистов? И что, Антоха? Их просто стерли с лица планеты! Это что — нормально?

— Лес рубят — щепки летят, — примирительно сказал отец. — Не они первые, не они последние. Просто поскромнее нужно было себя вести, вот и все... Сидели бы себе тихонько в своих лесах или горах, не высовывались... Да и при Боссе ли это было?

— Эх, Антошка, рассуждения твои — чисто имперские. Ты на это смотришь с точки зрения захватчиков, а ведь автохтоны нас к себе не звали. И, знаешь, как-то умудрялись жить без нас сто тысяч лет. Нельзя так, Антонио. Поставь себя на место автохтонов, прочувствуй...

— Дорогой ты мой, я их не завоевывал. И не гони волну — ты прекрасно знаешь, что в подавляющем большинстве случаев мы с ними ладим... Так что не ерепенься, а давай лучше выпьем... пока Лана нам не устроила...

Раздался звон бокалов, и на какое-то время воцарилось молчание. Крис, конечно же, не знал, откуда у пращура все эти сведения о переименовании звезд и несчастных риголах, но, судя по убежденности, с которой тот говорил, он

брал все это не с потолка. Наверное.

Оказалось, что прадед отнюдь не собирается сдаваться.

— А что ты слышал об Аполлоне? — вдруг взревел он. — Об этом адском месте? Ты вообще знаешь, что в нашей великолепной Империи существует такая планета?

— Нет, не слышал, — ответил отец. — Что за адское место? С чего это ты взял, знаток ты наш?

— А вот с того! — воскликнул пращур. — Послушай тех, кто сумел оттуда вернуться.

— А где это ты такое раскопал? В кабаках? — В голосе отца послышалась усмешка. — Там чего хочешь расскажут. Особенно доблестные наши файтеры, у них языки без костей после пары стаканов.

Крис и думать не думал, что ему через много лет еще доведется услышать об этой планете.

— Значит, так, Антоха, — снизил тон прадед. — Не буду я тебе ничего больше говорить, потому что — бесполезно. Против Императора я, в принципе, ничего такого не имею, просто не люблю, когда все перекраивают на свой вкус и говорят не всю правду.

— А всей правды, уважаемый дед, знать и вообще никому не положено, кроме каких-нибудь высших сил.

— Согласен, — сказал прадед, и опять

зазвенели бокалы. — Но хоть частица этой правды должна быть известна и тебе, и мне.

— Да не нужна мне ника... никакая правда. — У отца уже слегка заплетался язык. — Мне и так хорошо. Живу — горя не знаю. И мне что — ху... хулить за это Босса? Или все-таки спасибо ему говорить?

— Эх, Антоха! — вздохнул пращур. — Вот все вы такие, бесхребетные...

— А тебе что — обязательно мятежи нужны? Чтобы мертвые вдоль дорог на крестах? К счастью, вре... времена теперь такие, что живем без мятежей, в мире, любви и согласии. Что, скажешь, не так?

Прадед промолчал.

Притаившийся в укромном уголке Крис видел, как мама то и дело подходит к комнате спорщиков с улыбкой на светлом лице, но не вмешивается. Ему все эти пререкания отца с прадедом были интересны, но не очень понятны. И еще Крис подозревал: прадед ворчит не потому, что ему не нравится Империя, а потому, что просто привык ворчать...

Крис прекрасно знал, что Империя — это самое лучшее из того, что придумано за все тысячелетия существования человечества. Империя — это отлично! Жить в ней — сплошное удовольствие. И не только та давняя объемка была

причиной таких его представлений — вся каждодневная жизнь убеждала в том, что лучше Империи быть ничего не может.

Глава 2. Чужак

Из архива Стафла

67 год Третьего Центума

Планетная система Дианы

Из донесения Филиппа Гора, командира патрульного крейсера Л-ДН-4-09⁸ «Устрашающий»:

«...Визуально объект напоминал правильную сферу диаметром 10,4376 метра (согласно приборам). Сфера ярко-желтая, светилась равномерно, без пульсаций. Внутри просматривался более темный контур — веретенообразное уплотнение, медленно вращавшееся по часовой стрелке, без рывков. Объект шел параллельным курсом, на сигналы не реагировал. При нашей попытке пойти на сближение резко увеличил скорость, вспыхнул и исчез. Сканирование ничего не показало. Наблюдения 12 поста на Хоккайдо-VI подтвердили наличие указанного объекта в этом

⁸ Л — лонг, ДН — звезда Диана, 4 — номер манипула (манипул — самое крупное подразделение каждого легиона — армии — Стафла), 09 — порядковый номер боевой единицы.

секторе. Данные съемки прилагаются».

68 год Третьего Центума
Планетная система Майесты

Из донесения Айрона Визельбаума, командира патрульного крейсера Л-МСТ-2-06 «Свирепый»:

«...Отчетливо очерченный прозрачный куб с ребром 118,2420 метра (по показаниям приборов). Состояние зависания на фоне Элизиума-IV, сине-белая пульсация в двух ближних верхних углах относительно курса. При сближении — потеря очертаний и исчезновение. Возможное предназначение: трансер нестандартных размеров. Возможные изготовители: илиррии с Элизиума. Цель — неизвестна». Ниже, красным, чье-то примечание: «*Создать комисс*» — но оно зачеркнуто.

70 год Третьего Центума
Планетная система Орка

Из донесения Вадима Юста-титу, командира патрульного крейсера Л-РК-2-13 «Любимец богов»:

«...Объект размером с корзинку для яиц. (Ниже, красным: «*Что за сравнение?! Корзинки бывают разные, и яйца тоже. Чьи В. Ю. имеет в виду?*») Мерцал, словно передавал какую-то инфу. На запросы не отзывался. После выстрела из лучевой пушки, еще до

возможного поражения, исчез из поля видимости сканеров. Предположение: объект изготовлен верибурами. Назначение: противодействие акциям Стафла. Предложение: хорошенько потрясти верибуров, чтоб им мало не показалось. Возможно, они каким-то образом получили доступ к новейшим технологиям». Ниже, красным: *«Посоветовать В. Ю. не делать предложений. Экипаж отстранить от полетов. Обеспечить нераспространение инфы».*

* * *

76 год Третьего Центума

Патрульный крейсер легиона «Либер» Л-ЛБР-4-07 «Звездное пламя» совершал обычный полет вдоль Конфайна. Он шел высоко над плоскостью эклиптики, оставив далеко позади базу на Амазонии-IV и по длинной дуге огибая желтый карлик Либер. Система Либера была одним из самых дальних форпостов Империи, таким «медвежьим углом» Ромы Юниона. Сюда редко заглядывали жители более обжитых регионов, и планета Амазония, административный центр системы, выглядела большой деревней, где жили как автохтоны, так и потомки первых колонистов. Особых проблем они друг другу не доставляли. Автохтоны держались обособленно, кроме

арангойцев — эти серокожие карлики охотно торговали с колонистами тем, что скупали у других племен.

У крейсера «Звездное пламя» был свой давным-давно определенный сектор патрулирования, поэтому экипажу не приходилось дополнительно напрягаться, чтобы давать системе управления какие-то новые задания. Все шло как обычно. Слава богу, никаких врагов в окрестностях системы Либера не наблюдалось. Как и в окрестностях других планетных систем. Тем не менее это патрулирование несколько отличалось от предыдущих, потому что на борту крейсера, кроме командира Алессандро Барелли, штурмана, лонг-техника и четырех артиллеристов, находился еще и молодой долговязый белобрысый дубль-штурман из кроссов. Не файтеер — просто стажировался после нэви-колледжа⁹. Был он немногословен, старателен и явно пытался произвести на команду самое лучшее впечатление.

Алессандро Барелли не имел ничего против этого: когда-то и сам он был в такой роли и тоже старался изо всех сил, буквально из кожи вон лез. И, добившись самых положительных

⁹ Нэви-колледж — высшее учебное заведение, школа навигации.

рекомендаций, получил должность командира красавца-крейсера легиона «Либер». Плюс очень приличное жалование и возможность, отслужив свое, заняться любимым делом, какое душа пожелает, — ежемесячно его банковский счет пополнялся почти на пятьсот денариев. Таким деньгам мог позавидовать любой сивил¹⁰. Поэтому у Алессандро Барелли имелись все основания быть довольным жизнью.

Тем более что этот полет проходил в отсутствие очередной четверки файтееров-неспециалистов, которые поочередно должны были овладевать навыками работы на патрульном крейсере. Это являлось обязательной составляющей службы в Стафле. С такими файтеерами приходилось много возиться, им нужно было все рассказывать, объяснять, контролировать их действия, отвечать на вопросы... а Барелли подобного рода тягомотину, мягко говоря, не очень любил. Да, в этот полет никого из файтееров-обученцев не направили, и причина была очень уважительной. На базе ожидали скорого прибытия консула¹¹, и манипулы вот уже который

¹⁰ Сивил (жаргон) — гражданское лицо, штатский.

¹¹ Консул — главнокомандующий Стафлом.

день проводили совместные учения.

Все в полете шло штатно, приборы работали идеально, космос вокруг был чист, как мысли младенца, и желтый фонарик Либера успокаивающе светил вдалеке, словно говоря: «Все нормально, парни. Никаких проблем». Артиллеристы лениво поигрывали в своем отсеке в киво-ково — командир мог это видеть на экране внутреннего обзора. Лонг-техник Зураб Сулави совершал обычный неспешный обход корабельного хозяйства. А командир сидел в рубке вместе со штурманом Цери Пашутиным и обсуждал с ним достоинства отпуска на планете Беловодье в системе Купидона. Ни Барелли, ни Пашутин на Беловодье не были, но много слышали от сослуживцев о прелестях тамошних приморских местечек с рыбалкой, купанием и дикими танцами до утра. Белобрысый дубль-штурман был тут же, но в разговор не вмешивался. Он переводил сосредоточенный взгляд с экрана на экран, что-то там подключал, что-то там отслеживал, просеивал какой-то там технический мусор... В общем, сливался душой с лонгом, крепил связь с великолепным космическим кораблем под чудесным названием «Звездное пламя» (куда там всем этим «Неустршимым» и «Стремительным!»), — и командир не мог не порадоваться за своего подопечного, проявлявшего,

судя по всему, непоказную любовь к своему делу. На обратном пути Алессандро Барелли намеревался устроить молодому крепкую зубодробительную проверочку на запредельных режимах и уж тогда от чистого сердца дать самые лучшие рекомендации. Барелли был уверен, что стажер не подкачает — видна была птица по полету. Орел был виден, аквила¹² — прямо с эмблемы Стафла, хоть стажер и не принадлежал к племени фэйтеров.

— Танцы на камнях, командир, это что-то! — разглагольствовал Цери Пашутин, мечтательно закатив черные выпуклые глаза. — В темноте, под звездами, да под местную настоечку на травах... Марченко рассказывал, что на природе гораздо лучше, чем в постели кувыркаться. Ты ее обнимаешь, она тебя, и такая энергия прет, что ой-ёй-ёй! Совершенно дикое состояние, первобытное, как у пещерных ребят... Представляешь, ты ее тут же, прямо на камнях, горяченькую, как пирожок...

— Не трави душу, Паша! — взмолился Барелли и поскреб квадратный подбородок. — Мне до отпуска еще три месяца с лишним.

— А мне, командир? Все пять! Но я своего не упущу!

¹² Аквила (лат. aquila) — орел, символ римских легионов.

Сидящий к ним спиной стажер вдруг как-то подобрался, — и в этот момент прозвучал сигнал обнаружения.

Алессандро Барелли одновременно с Цери Пашутиным взглянул на экран.

А там было на что посмотреть.

Больше всего эта штука походила на цистерну древнего бензовоза (видали такие в арт-объемках про всяких роботов-терминаторов), метров десяти в длину и метров трех в диаметре — так определили сканеры. Цистерна эта находилась, по данным тех же сканеров, в пяти с лишним тысячах метров от крейсера и шла параллельным курсом, хотя ничего похожего на двигатели у нее не наблюдалось. У нее вообще ничего не наблюдалось: ни люков, ни иллюминаторов, ни обводов хоть каких-то приборов. Рассекала космос этакая бочка без каких-либо намеков на свое предназначение... и, главное, появилась-то она только сейчас, в ту минуту, когда Цери рассказывал про дикие танцы. А до этого и духу ее здесь не было!

Стажер, обернувшись, бросил вопросительный и встревоженный взгляд на командира, и Алессандро Барелли тут же поступил по инструкции: он попытался выйти на связь с объектом.

Но связи не было. Эта бочка никак не реагировала на сигналы.

Через секунду к делу подключился и штурман, только плечистые артиллеристы продолжали играть в свое киво-ково. Цери, отпихнув стажера, врубил увеличение и тут же, на всякий случай, активизировал резервный блок. Долговязый дубль-штурман тоже оказался неплох: невзирая на толчок в плечо, он задействовал дополнительную защиту и послал запрос автодетерминанту.

Детерминант незамедлительно подтвердил: совсем рядом с патрульным крейсером уютит космос объект с такими-то параметрами, не совпадающими с параметрами известных прибору космических объектов. Может быть, ничем и не угрожающий, но...

— Глаза протрите, пушкари! — взревел Алессандро Барелли. — Объект по правому борту!

Артиллеристы тут же встrepенулись, протерли глаза, отбросив свои дурацкие палочки для дурацкой игры, и по всей рубке раскатились сигналы боевой готовности лучевых пушек.

— Не стрелять! — рявкнул Барелли. — Пока просто контролируем.

Светловолосый стажер чуть ли не влез с головой в экран, пожирая глазами неведомый объект. Цери враскорячку навис над панелью управления, готовый в любую секунду бросить крейсер в любой маневр. Командир выжидал. Бочка

не казалась опасной — какой-то допотопный отработанный топливный бак с орбитальной станции первой волны, не более. Но отродясь не водилось в системе Либера ни орбитальных станций первой волны, ни отработанных топливных баков. И не могли эти топливные баки возникать из ниоткуда — не было поблизости никаких сабов. А если бы и были, кому пришло бы в голову, находясь в полном уме и здравии, пихать через сабы какую-то цистерну?

Время начальной нервозности прошло, наступило время размышлений.

— Веди его, Паша, — сказал Барелли. — И чуть что...

— Не проблема, командир, — процедил штурман сквозь зубы. — На то и учились...

Барелли бросил взгляд на стажера. Призывать того к вниманию не требовалось: дубль-штурман и так не спускал глаз с цилиндра и готов был в случае чего просто броситься на него, защищая крейсер.

— Пушкар, пока не дергайтесь, — напомнил командир.

— Есть не дергаться!

Уставившись на цилиндр, Алессандро Барелли начал искать ответы на вопросы. Он был командиром, и именно ему предстояло принять решение.

Варианты имелись, и нужно было выбрать

оптимальный. А если и не оптимальный, то хотя бы не самый худший.

Цилиндр держался справа по борту, не обгоняя крейсер, и не отставая от него, а это значило, что они имели дело не просто с какой-то космической бочкой, где томился былинный князь Гвидон. Объект внезапно возник в какой-то точке континуума и шел на равных с быстроходным крейсером — а значит, не был каким-то выброшенным предками за ненадобностью баком. Он был именно объектом — *неопознанным объектом*. А что Алессандро Барелли знал о таких объектах?

Хроники автохтонов. Священные свитки аннуниев, приморского народа с планеты Китеж в системе Беллоны. Предания горцев с Парадиза, одного из двенадцати миров, обращающихся вокруг Латоны. Многочисленные свидетельства многочисленных народов, населявших когда-то Землю в системе Солнца. Этот объект — порождение *чужих*? Тех, кого не видел никто из живущих ныне, но кого подспудно постоянно опасались? Для обороны от них, собственно, и создавался Стафл!

Или все гораздо проще — это просто диковинная пивная бочка, осушенная бравыми эфесами и брошенная в космической пустоте?

Алессандро Барелли мог принять любое из

предположений.

Но не успел.

Внезапно вырвался из бока цилиндра фиолетовый луч, стремительно расширяясь в конус. И, прежде чем взвизгнули в ответ лучевые пушки, вонзился в корпус крейсера, с легкостью преодолев все защитные оболочки. Полностью накрыл корабль — и пропал, и не пискнул ни один сигнал защиты. И тут же пропал и сам цилиндр, словно просто привиделся.

Благо ли это было — или зло? Или просто одно из тех явлений, о которых ходят легенды, но которые нисколько не мешают жить?

Алессандро Барелли протер глаза, пытаясь избавиться от плавающих там фиолетовых пятен. Артиллеристы, которых он видел на экране, таранились в космическую пустоту. Лонг-техник, судя по всему, вообще пребывал в неведении относительно происходящего — его метка безмятежно перемещалась по экрану; Зураб Сулави бродил себе в недрах крейсера, продолжая выполнять свою работу. Штурман по-прежнему нависал над панелью управления. Стажер смотрел в вакуум с таким видом, словно готов был прыгнуть туда и разорвать врага на куски, — но не было там никакого врага. Вообще ничего там не было. Обычная пустота, которой полным-полно в любом уголке Виа Лактеа, хоть ешь ее, хоть пей, хоть

рассовывай по карманам про запас. И никаких загадочных цилиндров.

— И что прикажешь делать, Паша? — после довольно продолжительного всеобщего молчания осведомился командир, с кривой ухмылкой взглянув на штурмана. — Будем считать глюками?

— Записи сканеров... — проскрипел в ответ Цери Пашутин, морщась, как от зубной боли.

Стажер уже вывел показания сканеров на экран. Цилиндр там присутствовал. Вне всякого сомнения. Если только сканеры не страдали галлюцинациями.

— Ну так что, парни? — вновь спросил Алессандро Барелли. — Имеет место встреча с неопознанным объектом. Докладываем, как положено? — Он помолчал. — Со всеми вытекающими... Почему не попытались его тормознуть. Почему наши мямли-пушкари вовремя не среагировали. Почему они вообще затеяли дебилные игры на боевом посту. Почему наш дорогой штурман сопли жевал и даже не рыпнулся. Потому что в уме уже кружился в диких танцах под прекрасную настоечку на расчудесной планете Беловодье?

— Зачем ты так, командир? — негромко и чуть обиженно сказал штурман. — Никакой расслабухи не было.

Стажер смотрел на Барелли большими

глазами и, кажется, забыл дышать.

— Докладываем, как положено? — повторил командир.

Штурман неуверенно пожал плечами:

— Докладывай, куда деваться-то?... Тем более что на сканерах все есть. И среагировали все-таки, не только сопли жевали. Другое дело, что...

— Вот именно, — прервал его Барелли. — Это будет совсем *другое дело*. И не думаю, что нам от этого другого дела похорошеет. И тебе, и ему, — он показал на стажера, — и пушкарям нашим. И мне. И в отпуск нам с тобой, Паша, не придется слетать на Беловодье. А знаешь, почему?

— Знаю, — уныло кивнул Пашутин. — Потому что не успели раздолбать в пух и прах.

— Вот-вот... — подтвердил Барелли. — Показали свой непрофессионализм. Не среагировали.

— Прошу прощения, командир, — нерешительно вмешался стажер, потирая пальцем горбинку на переносице. — Но ведь все зафиксировано. Каждый момент. Никто не сможет упрекнуть нас в том...

— Сможет, родимый, — не дал ему договорить Алессандро Барелли. — Еще как сможет. Кто будет слушать, что тянули резину, потому как хотели разобраться? Кому это нужно?

Это Стафл, парень, тут решения нужно принимать мгновенно. И заметь: решения не в пользу врага. А если бы он брюхо вспорол нашему крейсаку?

— Командир! — подал голос с экрана прим-артиллерист Миро Ланецки. — Ты все правильно говоришь. Мы действительно упустили момент. Я не знаю, что это было такое, и никто из нас не знает... Возможно, это как-то связано с Твинсом¹³. Нашим или верхним. Мало ли что им придет в голову вытворять... У них же все всегда засекречено, да так, что они порой и сами не знают, что делают. Если сам не знаешь, то и враг не догадается, как говорится. Что, неправда? Они придумали, а мы нарвались. Ты же прекрасно понимаешь, *уже сейчас понимаешь*, что не надо трубить об этом на всех углах. И никто из нас трубить не будет. Ни я, ни он, — Миро кивнул на ближайшего напарника, — ни один из нас.

— Я доложу, — неуверенно произнес командир.

Очень неуверенно.

Стажер поднялся из кресла и теперь стоял, переводя взгляд с Барелли на Пашутина. Артиллеристы молча смотрели с экрана. С тихим

¹³ Твинс (от англ. twin S — Security Service, Секьюрити Сервис) — Служба безопасности.

чмоканьем лопнула входная перепонка, и в рубку ворвался коренастый лонг-техник Зураб Сулави.

— Хорошенькие дела! — с ходу заявил он, подскочил к переборке и шмякнулся в кресло. Его курчавые темные волосы торчали спиральями, будто наэлектризованные. — Я все видел там, — он махнул рукой куда-то вниз, — на экранах. И вас слушал. И вот что я вам скажу, мистеры: это стопроцентно был чужак. Чу-жак! — Лонг-техник обвел глазами командира, штурмана, стажера и пушкарей на экране. — Подобные истории могут рассказать и другие, я слышал кое от кого кое-что. Рассказать и привести в доказательство показания приборов. Которые не врут. Во всяком случае, не должны врать. А знаете, как всегда поступают с такими очевидцами встреч с чужаками? Их списывают в сивилы. Окончательно и бесповоротно. Несмотря на все показания приборов. Объективные показания! Мы, несомненно, видели чужака, мистеры. Несомненно, такие чужаки уже кто знает сколько времени присутствуют в нашей Вилке ¹⁴ с целью, нам неизвестной. Но любые признания на этот счет повлекут за собой только наше увольнение. И всё. — Он вновь посмотрел на Барелли. — И ты

¹⁴ Вилка (жаргон) — Виа Лактеа, Галактика.

отлично это знаешь, командир.

— И прощай, Стафл... — пробормотал Барелли.

Все эти доводы его несколько не убеждали. Доложить он был просто обязан. Но командир вдруг почувствовал, что с ним творится нечто необычное. Что-то в нем происходило, что-то изменялось, и он начинал смотреть на вещи совершенно иным взглядом.

Он понял, что по возвращении на базу действительно никому ни о чем не скажет. Как и его команда. И не будут ни он, ни они напрашиваться на дополнительный медосмотр, чтобы выяснить, не повредил ли их здоровью фиолетовый конус. Уйдут в архив записи приборов — и об этом эпизоде в окрестностях планетной системы Либера никто никогда не узнает. Потому что об этом *никто не должен узнать* .

И это новое *ви дение*, это новое восприятие мира убедило его в тысячу раз больше болтовни Зураба Сулави.

Он просто становился *другим* . Как и все, кто находился на борту патрульного крейсера «Звездное пламя».

— Ладно, пора обедать, парни, — сказал Алессандро Барелли. — Стажер, может, соорудишь на десерт что-нибудь оригинальное?

...Патрульный крейсер легиона «Либер»

«Звездное пламя» благополучно вернулся на базу Стафла на Амазонии-IV — самой дальней планете системы желтого карлика Либера на окраинах Ромы Юниона. Ни командир, ни другие участники этого патруля и словом не обмолвились о встрече с чужаком. На обратном пути командир устроил основательную проверку стажеру и по возвращении дал ему блестящие рекомендации.

Через три с лишним месяца Алессандро Барелли побывал-таки в отпуске на Беловодье и сполна убедился в том, что дикие танцы на камнях у моря, под звездами и в компании с местными хо¹⁵ — это действительно здорово! Он продолжал служить в Стафле, так же, как и штурман «Звездного пламени», и лонг-техник, и четверка артиллеристов. А светловолосый стажер-кросс зашагал по жизни совсем не в ту сторону, куда планировал шагать.

Все в Империи было спокойно...

Глава 3. На Нова-Марсе

80 год Третьего Центума

¹⁵ Хо, хошка (от англ. whore) — проститутка.

Флаинг все рокотал и рокотал потихоньку, как зверь ворчун из детской арты, и у Криса Габлера продолжали слипаться глаза. А вот у Андреаса Сколы не слипались.

«Вот, наверное, потому он и вигион, а я только файтер второго ранга», — лениво подумал Крис.

Правда, вигиону было далеко за тридцать, и у Криса оставалось достаточно времени, чтобы, при желании, дорасти до него.

Под днищем флаинга по-прежнему неторопливо уплывали назад рыжие пески, но впереди, на сером горизонте, уже замаячили расплывчатые предгорья. Они почти сливались с пеленой не намеренного прекращаться дождя.

Файтер двадцать третьей вигии седьмой центурии легиона «Минерва» Кристиан Конрад Габлер летел над территорией беллизонцев — автохтонов Нова-Марса, второй планеты системы Сильвана. Вместе с ним летели и другие эфесы. Они сидели плечом к плечу, в два ряда, лицом друг к другу, заняв кресла у противоположных стенок флаинга, и клевали носами. Потому что этой ночью как следует поспать им не дали. Напротив Криса, кроме вигиона, расположилась неразлучная тройца — «три эфеса, три веселых друга», Атос, Портос и Арамис. Дальше к корме машины скалой громоздился темнокожий Юрий Гальс, известный

всем как Годзилла. Крис еще со школьных лет заработал прозвище «Гладиатор», за умение драться, но Годзиллу он вряд ли бы одолел. Разные у них были весовые категории, хотя на свои габариты Крис пожаловаться никак не мог. А вот Атоса, Портоса и Арамиса стали называть так сравнительно недавно, когда на базе посмотрели объемку, героями которой были файтеры с такими именами. Их почему-то называли мушкетерами, хотя никаких мушкетов у них не было, а были обычные излучатели. Эти трое в хвост и в гриву лупили каких-то монстров в лесах и болотах разных придуманных планет, спасали каких-то умопомрачительных красоток, лихо пили в кабаках, били морды плохим парням... ну, и прочее в том же духе. Обычный набор, известный Крису еще из тех старых фантастических книг, сочинители которых блестяще предсказали и межзвездную Империю, и подпространственные переходы, и всякие мятежи на далеких планетах, и драки в кабаках. На самом деле файтера Атоса звали Джек Срослофф, и был он родом из системы Карменты, с планеты Нирвана. Как и мама Криса. Портос — Юл Ломанс — родился под небом Геи в системе горячей звезды Фидес. А третий эфес, Арамис, был кроссом Лино Пирико-туо-туо, выросшим под лучами Купидона. Портос действительно был здоровяком (что, впрочем, вовсе не являлось редкостью среди

файтеров), похожим на кого-то из древнеримских героев, с мощной красноватой шеей и огромными кулачищами. Атос тоже кое-как смахивал на персонажа той объемки: хоть и был он бритоголов, но с аккуратной бородкой (это не возбранялось уставом) и пил какие угодно алкогольные напитки, относительно мало пьянея. То есть вырубался напрочь довольно редко. Но если уж случалось, то привести его в чувство не смог бы даже и сам консул. А вот Арамис, потомок колонистов и автохтонов-гинеяцев из озерного края на севере одного из континентов планеты Беловодье, на Арамиса из арт-объемки походил не то что мало, а вовсе не походил. Потому что был приземист, непомерно широкоплеч, и плоское его лицо отнюдь не блистало небесной красотой...

Но все это было совершенно неважно: файтеры имели собственные понятия о мужских достоинствах, и красивое лицо в число этих достоинств не входило. Тем более что лицо можно очень быстро изменить хорошим ударом кулака... А хошкам, которых хватало в любом крупном городе любой планеты, было наплевать, ослепительная ли внешность у ее партнера-эфеса. У хошек тоже были свои понятия о мужских достоинствах.

Сейчас, на борту флаинга, на боевом задании, а не раскисшие до пьяного мычания в кабаке, все

файтеры вигии выглядели просто великолепно. Откинутые шлемы с разноцветьем информеров¹⁶. Боевые комбинезоны, меняющие цвет в зависимости от обстановки; сейчас они были серыми, в масть нутру флаинга, но все равно казались Крису нарядными. Такие же серые перчатки. На коленях у каждого — по-своему изящный излучатель с подствольником, а в подствольнике три гранаты; вклеить куда-нибудь хоть по одной, хоть все три сразу — мало не покажется. На ногах прыгунцы — легкие ботинки до середины голени, с пружинистыми подошвами; кажется, оттолкнись такими подошвами от земли — и улетишь аж на другую сторону этих серых небес. За спинами — аккуратные нэпы¹⁷, там боезапас и прочие необходимые файтеру вещи: туалетная бумага и тому подобное... Красавцы, что там говорить. Даже невзирая на фингал под глазом у всегда вроде бы невозмутимого Расуля Сагдиева, любителя какой-то странной заунывной музыки, и расцарапанный нос Микаэля Тавареса, тоже вполне уравновешенного парня, который дослужился уже

¹⁶ Информер — система отображения информации в шлеме файтера.

¹⁷ Нэп — рюкзак.

до третьего ранга. Это они как-то умудрились повеселиться на ротунде, по пути с базы на Эдеме-V в системе Минервы сюда, во владения желтого карлика Сильвана.

Ротунда доставила в систему Сильвана всю седьмую центурию легиона «Минерва». У саба, с этой стороны, уже дожидались либурны, куда и пересели файтеры. Совершив перелет через ближний космос, седьмая центурия высадилась на Нова-Марсе, в портовом городе Александрия. Здесь все было тихо и спокойно, а вот в столице Нова-Марса, Стронгхолде, хозяйничали мятежники-автохтоны. Беллизонцы. У них, насколько знал Крис, никогда не было тесных связей с колонистами, но и до мятежей раньше дело не доходило. Какая муха их укусила, файтеры не имели ни малейшего понятия.

Явно не все в порядке было и с местными силами Стафла, потому и понадобилась переброска сюда файтеров из другой планетной системы. Никто из начальства ничего официально не заявлял, а задавать вопросы в лоб не позволяла субординация. Но среди эфесов ходили кое-какие слухи. Якобы кто-то кому-то рассказывал, что на базе местного легиона Стафла «Сильван» на Нова-Марсе-VII случилась какая-то нехорошая история. То ли патрульный крейсер, а то и сразу два гробанулись на космодром, уничтожив парочку

либурн и пяток тягачей. То ли произошло еще что-то, вплоть до диверсии — но чьей? — или даже бунта (!) файтеров. А еще, будто бы раскрыли заговор против Императора! Мол, легат 18 «Сильвана» хотел захватить власть в Империи...

«Чего только не напридумывают...» — мысленно усмехнулся Крис и, повернув голову к кабине пилота, взгляделся в приближающиеся серые, с вкраплениями зелени — о чудо! — предгорья.

Однако факт оставался фактом: к подавлению мятежа беллизонцев привлекли только отдельные подразделения легиона «Сильван», и консул приказал перебросить на Нова-Марс седьмую центурию легиона «Минерва».

Да, о причинах мятежа никто из файтеров не знал. Собственно, им это было и не нужно. Файтер должен выполнять приказ, а не думать о том, почему таковой приказ отдан. Центурия разместилась в казармах окружного полицейского центра Александрии — основная часть местной полиции была направлена в столицу. Ночью Габлер слышал рокот взмывавших в воздух флаингов, похожих на доисторические дирижабли, — это

18 Легат — командующий армией (легионом) в составе Стафла.

улетали на задания вигии его центурии. Двадцать третью вигию пока не трогали, но и спать не давали, держали в состоянии боевой готовности. Хотя немного подремать все-таки удалось.

На рассвете их повели в полицейскую столовую на завтрак, а потом поставили задачу: четыре вигии, включая двадцать третью, должны были совершить разведывательный полет над территорией автохтонов-беллизонцев, ближе к столице. Спутники-наблюдатели почему-то перестали видеть картинку оттуда, словно этот район накрыло непроницаемым колпаком.

Файтеры погрузились, четыре серых флайнга начали набирать высоту и пошли шеренгой над спящей Александрией, дальше, дальше, к исконным землям беллизонцев. Автохтонов, кстати, как успели сообщить местные полицейские, и сейчас было немало в Александрии, и никто их не преследовал за безобразия, творимые в Стронгхолде их соплеменниками.

Габлеру уже доводилось участвовать в подавлении одного мятежа. Было это сразу после службы в учебном центре на Ковчеге-III в системе Весты. Ему тогда только-только исполнилось двадцать четыре — шел 77 год. Едва прибыв на Натали-I, в легион «Фавн», он вместе с новыми товарищами по службе был брошен на Натали, где бузили, между прочим, не автохтоны, а колонисты.

Точнее, сопливая молодежь, студенты, которые вроде возжелали создать свой особый город-государство. Воевать с пацаньем оказалось делом несложным, оружие файтеры почти не применяли, и Крис был в недоумении: почему с расшалившимися ребяташками не справилась местная полиция? Потом ему объяснили: полиция не желала надирать задницы «своим». Лучше уж пусть прилетят чужие дяди с окраины планетной системы и поучат молодняк.

Поучили. И надрали. Без проблем.

Не успел Габлер более-менее освоиться в легионе «Фавн», как его вместе с другими перевели на Эдем-V в системе Минервы в легион с тем же названием: «Минерва». Причину им не объяснили, да никто ничего и не спрашивал: приказ, опять же, есть приказ.

Вообще, мятежи для файтеров были где-то даже в радость, как ни кощунственно это звучит. Они вносили разнообразие в довольно размеренную жизнь и позволяли на практике применить хоть какие-то навыки, полученные в Стафле. Ведь из чего состояла повседневная служба? Боевая подготовка. Техническая подготовка. Физическая подготовка. Школа выживания. Устройство космических кораблей и всякого прочего транспорта, вождение, обслуживание. Участие в патрулировании Конфайна. При необходимости —

выполнение функций космических спасателей, что выпадало крайне редко. Оказание помощи в случае крупномасштабных чрезвычайных ситуаций на планетах системы — тоже далеко не каждый день. Приобретение знаний обо всем понемногу. Учения. Учения. Учения...

Безусловно, платили хорошо... Но было все это немного скучновато. Зачем тратить почти все свое время и силы на разные виды подготовки, если нет вокруг никаких врагов? Вот если бы рвануть вперед, брать штурмом какую-нибудь другую галактику, где местное население стонет под гнетом кровожадных захватчиков из сопредельной вселенной. Вот это было бы дело так дело!

Но не наблюдалось на горизонте никаких кровожадных захватчиков, поэтому многие файтеры по окончании декады¹⁹ покидали Стафл и уходили кто куда: в полицию, в Эксит²⁰. Говорили, что есть еще некая Экспло²¹, но о ней мало кто

¹⁹ Декада — десять лет.

²⁰ Эксит (от англ. extraordinary situation) — Служба чрезвычайных ситуаций.

²¹ Экспло (от англ. exploration) — Служба дальней разведки.

знал что-либо конкретное. По слухам, ею ведало ближайшее окружение Императора.

Так же думал поступить и Крис Габлер: отрубить свою декаду и податься в Эксит. Оттуда, учитывая выслугу лет, ему можно будет уйти в сорок восемь... За это время на банковский счет наберит ох как немало — практически ненужное на службе жалованье (наибольшие затраты приходились на выпивку, хошек, полеты в отпуск — домой или куда-нибудь в иные края) плюс бонусы за участие в конкретных операциях, плюс за выслугу. И всякие другие довески, достаточно солидные. Вот тогда можно будет обзавестись семьей, хозяйством, открыть собственный бизнес... а не захочется — гулять на всю катушку, пока не надоест!

Без развлечений типа вот этого мятежа на Нова-Марсе было бы совсем пресно. «Хотя мятежи — это все-таки не самое лучшее в жизни», — здраво рассудил Крис. Гибли-то при этих мятежах ромсы — хоть колонисты, хоть автохтоны... какая разница? Ромсы, а не кровожадные злодеи из сопредельной вселенной.

— Связь пропала, — вдруг отчетливо прозвучал из откинутого шлема голос пилота, прервав полудремотные размышления Габлера.

Он увидел, как тут же встрепенулся вигион, услышав из своего шлема то же самое.

Зашевелились и другие файтеры. Крис вновь обвел взглядом пейзаж под днищем флайнга. Рыжая равнина уже сменилась горами. Серые глыбы... Островки невысоких деревьев и кустов... Извилистые расщелины... Дождевые ручьи, стекающие с изломанных временем иззубренных скал... Каменные, почти отвесные, стены с узкими прерывистыми карнизами... Редкие пучки поникшей травы, торчащие из трещин... Царство камня.

Еще при полете над равниной четыре флайнга разошлись далеко в стороны, чтобы охватить как можно бо льшую территорию, где предполагалось перемещение боевых групп автохтонов. Флайнг с двадцать третьей вигией на борту летел крайним справа, а его сосед слева затерялся за пеленой дождя. Дождь, правда, приутих, и в небесах наблюдалось даже некоторое просветление, но ни одного из трех других флайнгов так и не было видно. Пилоты поддерживали между собой связь — и вот теперь она прервалась.

— В чем дело, Зулат? — выпрямляясь, недовольно спросил вигион. — Какого хрена она пропала?

— Понятия не имею, — ворчливо отозвался пилот. Андреасу Сколе он не подчинялся, потому что был из местной полиции. И флайнги были полицейские. — Вообще-то, я не Зулат, а Зулам.

«Эм» на конце. Сейчас поковыляю на сближение.

— Значица, я плохо уши мыл, — сказал вигион. И вновь поинтересовался: — Так с чего это вдруг она пропала?

Пилот вопрос проигнорировал. Он повернул летательный аппарат влево, в направлении ближайшего флаинга из четверки, и машина осторожно пошла над ущельем. Далеко внизу, на дне, среди торчащих зубами великана каменных угловатых столбов мчался мутный поток.

— Все равно вперед нежелательно, — вдруг заявил из своей задней конуры дубль-пилот. Он вообще не представился файтерам перед полетом и всю дорогу сидел тихо, не высовывался.

— Это почему же? — хмуро поинтересовался Андреас Скола.

Дубль промолчал, словно чем-то подавился. За него ответил Зулам:

— Там святилище Триединого... Триединого Беллиза...

— Это еще что за хрень? — поднял брови Скола.

— Да вот не хрень, — буркнул пилот.

Файтеры, окончательно прогнав сонливость, слушали не очень дружелюбный разговор.

— Не хрень, — повторил пилот, — а храм.

— Храм?! — чуть ли не подпрыгнул вигион. — Храм автохренов этих?

— Ну да, беллизонцев...

«Беллиз... беллизонцы, — подумал Габлер. — Вот в честь кого они так себя величают».

— Так это же не просто храм может быть, а их база! — Вигион судорожно сжал излучатель. — А ну, Зулам, давай, поворачивай! Пройдем над этим храмом, посмотрим.

— Они не любят, когда к ним без приглашения, — выдал пилот, продолжая вести машину над ущельем. — Лучше с ними не связываться.

— Ха! — хохотнул Годзилла и хлопнул себя по бедру. — Бунтовать, значит, любят, а когда без приглашения...

— Зулам, поворачивай, — заглушая подчиненного, повторил вигион, и в голосе его прозвучали угрожающие нотки.

— Ты, командир, своими людьми командуй, — неприязненным тоном посоветовал пилот. — А у меня свои начальники есть.

Оба ряда фйтеров застыли от изумления. Какой-то драный местный пол поднимал хвост на Стафл! Сами тут обделались, подмоги попросили — и сами же теперь встают в позу!

Пока Андреас Скола приходил в себя от такой наглости, вице-вигион Янек Бут, по прозвищу Снайпер, вскочил и направился к передней кабине, одной рукой придерживаясь за поручень под

потолком, а другой выставив перед собой излучатель.

— Янек, назад! — резко тормознул его Скола. — Это приказ!

Вице-вигион остановился, словно наскочил на стену, и обжег командира недовольным взглядом. Постоял так немного, поигрывая желваками на скулах, и направился на свое место. Глаза у него были злые-презлые. Коренастый Лу Шеро, успевший выставить ноги в проход, поспешно убрал их с его дороги и шумно втянул носом воздух.

— Послушай, полиция, — ледяным тоном начал Андреас Скола, — если ты сейчас же не повернешь к этому твоему храму, я тебя просто выброшу отседова, понял? Вниз башкой. И твоего напарника, чтоб тебе падать не скучно было. Любой из моих парней тоже могёт водить такую «сосиску», так что управимся и без вас. Считаю до трех. Раз...

До трех считать не пришлось. Пилот коротко ругнулся, и флаинг по широкой дуге пошел на разворот.

— Благодарю, Зулам, — ровным голосом, как ни в чем не бывало, сказал вигион.

Годзилла опять коротко хохотнул, а Хенрик Ящик нарочито громко издал ртом такие звуки, какие обычно издают совсем другим местом.

— А ведь можно было и без ссор, мистеры, — кротко произнес Арамис, ласково поглаживая свое оружие. — Общую же спараву делаем.

За все время службы в Стафле он так и не смог избавиться от своих словечек, выдававших в нем потомка гинейцев Беловодья.

— И пробуй связь, Зулам, — зыркнув на Арамиса, все так же ровно добавил вигион.

Пилот промолчал.

Некоторое время флаинг летел на северо-запад, а потом повернул налево, к темной стене горного хребта.

Что за выкрутасы, Зулам? — опять попер на пилота Андреас Скола. — По прямой нельзя было?

— С востока туда удобнее всего заходить, — сухо пояснил тот.

Флаинг перевалил через горный хребет со следами оползней, и впереди открылись новые скалы с черными зевами пещер, увитые длинными желто-зелеными побегами каких-то похожих на лианы растений. Крис сначала не мог сообразить, что изменилось, но тут же понял: дождь кончился, хотя тучи продолжали оккупировать небеса, распухшими своими животами едва не ложась на верхушки скал. То тут, то там виднелись в них рваные пробоины, и стало намного светлее и веселее.

И в этом потихоньку набирающем силу

утреннем свете возникло вдалеке небольшое плато. Оно располагалось гораздо ниже оставшегося позади горного хребта. Его ближний к флаингу край переходил в уступы, которые гигантской широченной лестницей спускались в почти сплошь поросшую пышными розовыми кустами низину. То, что поначалу можно было принять за серую гладь взлетно-посадочной площадки, оказалось при ближайшем рассмотрении крохотным озером в центре низины. Слева плато, понижаясь, обрывалось в широкое ущелье; противоположная сторона ущелья наклонной стеной уходила к небу, постепенно превращаясь в причудливые каменные фигуры, которые были оплетены все теми же лианоподобными растениями. Справа эта сравнительно ровная местность упиралась в бок очередной скалы. Ее плоская, судя по всему, вершина, была покрыта таким же, как в низине, розовым кустарником. Хотя уж очень высоким казался этот кустарник — он, скорее, походил на деревья.

Однако на все это файтеры обратили внимание уже потом. После того как увидели самое главное. А самое главное находилось прямо по курсу. Флаинг сбавил ход и начал снижаться, словно покатылся по очень пологому склону.

— Ух ты! — зачарованно выдохнул кросс Гамлет Мхитарян, Граната. Прозвали его так за

взрывной характер, который особенно часто проявлялся в кабаках.

— Вот вам храм Беллиза, — пробурчал в своей будке дубль-пилот. — Любуйтесь.

И там было на что полюбоваться.

По центру плато, неподалеку от уходивших вниз ступеней каменной лестницы исполинов, возвышалось величественное массивное здание. Своей белизной оно контрастировало с буровато-серой поверхностью плато. Это был явно белый мрамор. Откуда и, главное, *как* могли доставить сюда тонны и тонны белого мрамора? Здание казалось высеченным из единой мраморной глыбищи, и неведомый скульптор-архитектор не утруждал себя тщательной отделкой своего творения. Оно было грубоватым, и чувствовалась в нем какая-то первозданная неведомая сила. Неимоверная сила. Сверху было видно, что в плане здание имеет форму прямоугольника и дальней своей короткой стороной упирается в высокую скалу, перегородившую выход с плато. Двускатная крыша обоими краями выступала над стенами и казалась такой гладкой, что по ней хотелось скатиться вниз, как с горки. Широкий карниз над входом подпирали с двух сторон высокие круглые колонны. Карниз не изобиловал ни надписями, ни лепниной, ни барельефами — там вообще отсутствовали какие-либо украшения. Кроме

высеченного в мраморе и залитого чем-то золотистым (или это и было золото?) знака над самыми дверями: равносторонний треугольник с вписанным в него безукоризненно правильным кругом одной из своих вершин нацеливался точно в зенит. Высокие двустворчатые двери цветом отличались от всего остального: не такие белые, как мрамор, они, похоже, были изготовлены из какого-то металла. Крис надел шлем, чтобы разглядеть их получше с помощью оптики, и отметил, что у дверей нет ручек. А по информеру определил, что они, как и весь фасад, ориентированы строго на восток, хотя увидеть оттуда восходящий Сильван мешали горы. Но когда местное солнце поднималось над хребтом, его лучи, безусловно, проникали в храм.

«Ну, хорошо... — Крис вновь откинул шлем. — Двери распахиваются наружу, кто-то из них выходит. А потом?»

Плато было полностью отрезано от остального мира, с него нельзя было никуда уйти — разве что спуститься по веревке с уступа на уступ к крохотному озеру. А дальше?

Впрочем, при наличии на планете летательных аппаратов это не было проблемой. Плато представлялось вполне приличной взлетно-посадочной площадкой.

А раньше, до наличия летательных аппаратов?

Ведь мраморное сооружение вовсе не выглядело новостройкой.

— Храм древний? — громко спросил Габлер, обращаясь к обоим пилотам.

Ответил дубль:

— Беллизонцы говорят, что ему где-то двенадцать с лишним тысяч лет.

— Ого! — воскликнул Граната, а Томаш Игрок присвистнул.

«И как же они сюда добирались и отсюда выбирались?» — снова спросил себя Габлер.

Однако сейчас это был вовсе не главный вопрос. Не для того чтобы пролить на него свет, они летели в беллизонскую глубинку.

— Не отвлекаемся, парни, — строго сказал вигион. — Откроют двери, да как лупанут по нам...

— Не пугай, командир, — добродушно пробасил Портос. — А рекса²² на что?

— Рекса рексой, а сам не плошай, — назидательно ответил вигион.

Флаинг уже подлетал к розовой низине, еще больше сбросив скорость, до храма было рукой подать, и пилот угрюмо спросил:

— Будем садиться, командир?

²² Рекса (от англ. recognition system) — система распознавания.

Андреас Скола не успел ничего ответить, потому что в этот момент взвыла рекса. Как выяснилось чуть позже, по флаингу ударили сразу с трех сторон. Снаряды примчались одновременно от озера в низине, из розовых зарослей на скале справа по курсу и из-за природного каменного ансамбля на другой стороне пропасти слева.

Автоматика флаинга оценила обстановку быстрее тугодумов-людей с их ограниченной реакцией, которую, конечно, можно совершенствовать, но не беспредельно. Прежде чем пилот успел шевельнуть хоть пальцем, авта взяла управление на себя. Флаинг, ускорившись, заложил крутой вираж влево, ныряя к плато, и все бы, возможно, обошлось... Вот только били-то чуть ли не в упор и из солидных орудий. Файтеры вцепились в подлокотники кресел, бессильные в данной ситуации хоть что-то предпринять, — ну как можно человеку, пусть даже и вооруженному, справиться со стремительно летящим снарядом? И все-таки благодаря маневру авты, два из них пронесли мимо и со свистом устремились к стратосфере, продырявив низкие облака. Но третий до цели добрался и, пробив защиту, по касательной угодил в двигатель. Все внутри содрогнулось, однако летательный аппарат уцелел. Правда, теперь и на самом деле превратился в летящую вниз сосиску.

— Наддув! — крикнул вигион, хотя мог бы и не кричать: малолеток среди стафлов не водилось, и они уже успели включить наддув комбинезонов.

У пилотов комбинезоны были похуже, и им оставалось надеяться только на удачу.

К счастью, залп не повторился. Вероятно, противники решили, что флаинг вместе с его содержимым и так обречен. И у них были для этого все основания, потому что летательный аппарат неумолимо приближался к каменной поверхности плато и, скорее всего, по инерции должен был рухнуть в пропасть — такая уж у него оказалась траектория.

Однако полицейский пилот Зулам, отключив авту, предпринял кое-какие быстрые и очень своевременные действия: врубил все четыре движка мягкой посадки, активизировал пиллы — надувные подушки и выпустил парашют. С парашютом, правда, номер не прошел: он просто не успел раскрыться. Но движки и пиллы свою положительную роль сыграли, значительно смягчив соприкосновение флаинга с ново-марсианской твердью.

Оказалось, что и дубль не просто сидел в своей конуре, трясясь от страха. Почти одновременно со струями огня, ударившими в камни из-под днища флаинга, сзади с шелестом развернулся подобный огромному парусу

тормозной щит, который должен был замедлить продвижение летающей машины к пропасти. Впрочем, машина через несколько мгновений утратила статус летающей. Она довольно ощутимо соприкоснулась пиллами с поверхностью плато и, скрежеща по камням передними и задними выступами на брюхе, повлеклась к ущелью. Однако постепенно теряла скорость. Вопрос был лишь в том, хватит ли ей пространства для того, чтобы остановиться до роковой черты. Противники, наверное, смотрели на все это со своих скал, открыв рты. Да и сами файтеры не знали, что полицейские флаинги Нова-Марса оснащены такими приспособлениями. Это была новинка.

— Открывай люки, Зулам! — заорал вигион, почуяв, что шансы остаться в живых растут. — Выпрыгиваем!

Пилот не стал мешкать. Крышки обоих люков, расположенных друг напротив друга с правого и левого бока флаинга, тут же поползли вверх.

— Не пихаться, женщин и детишек вперед, — успел порадовать всех своим чувством юмора вигион. Это он сказал явно для поддержания духа, хотя никто и так не паниковал. — По двое!

Файтеры без промедления начали вываливаться на мокрые камни. Всем выбраться не получалось — те, кто сидел в носу и хвосте, просто не успевали, не хватало времени. Но теперь

гарантированно спастись могла хотя бы часть вигии.

Крис оказался в числе тех, кто не успевал. Вскочив с места и, как и другие, уже надвинув шлем на голову, он стоял в очереди за спиной Столба и видел на экране заднего обзора приближающийся провал. И, как это обычно бывает в критические моменты, вспомнил об ангеле-хранителе...

К счастью, ангел-хранитель не торчал в кабаке, а был где-то рядом. Когда до пропасти оставалось не больше пяти-шести метров, флаинг, судя по всему, врезался носом в выемку. К тому времени в нем еще находились восемь файтеров — включая вигиона и вице-вигиона — и оба пилота. И командир вигии, и его заместитель не бросились в числе первых покидать машину, в которой оставались их подчиненные, возможно, обреченные на смерть... Сосискообразный корпус занесло кормой вверх вместе с тормозным щитом, и люди посыпались к носу. Некоторое время флаинг словно раздумывал: перевернуться ему и ухнуть в пропасть или принять исходное горизонтальное положение на плато, уже никуда не двигаясь, и на том и успокоиться.

Машина выбрала последнее. Она с шумом шлепнулась на брюхо у края ущелья, а сзади медленно, словно нехотя, опустился не

выполнивший свою функцию парашют.

— Пошли, пошли, парни! — Андреас Скола моментально вскочил на ноги. — Не надо подставляться. Зулам, как самочувствие?

— Почти в порядке, — услышал Крис в своем шлеме сдавленный голос пилота. Коренастый, немолодой уже полицейский в желтом комбинезоне, держась левой рукой за грудь, выбрался из кабины. В правой руке он сжимал увесистый ган. — Шарль, ты как?

Этот вопрос, видимо, относился к дублю. Тот не отвечал. Вероятно, ему досталось больше всех — он сверзился на камни вместе с хвостовой частью флаинга.

Зулам, расталкивая файтеров, поспешил туда. У него были узкие глаза и мясистый нос. Из носа сочилась кровь.

— Адам, иди с ним, — распорядился вигион. — И потом догоняйте нас.

Долговязый Сирена кивнул и направился следом за пилотом, уже скрывшимся в хвостовой конуре дубля.

Из-за тормозного щита файтерам не было видно, что творится сзади. Впереди, за пропастью, вздымался бок скалы с причудливыми образованиями в вышине. Новые снаряды оттуда пока не летели. Крис почему-то был уверен в том, что по плато с храмом вообще стрелять не будут.

Священное место как-никак, а кто ж палит по собственным святыням? На своем информере он видел зеленые кружки с цифрами. Только зеленые и ни одного красного или черного. А это значило, что все живы-здоровы, включая его самого.

— Парни, ломитесь в храм, — приказал Скола тем, кто успел покинуть флаинг раньше. — Пока снова не лупанули. Нас не ждите. Пятый и шестой — прикрывать, огонь по зарослям на скале, справа. Мы прикроем слева. Третий пока за старшего. Третий, слышишь?

Зеленый кружок с цифрой «три» замигал, и в наушнике послышался голос Годзиллы:

— Третий понял, приступаем.

Скола махнул рукой продолжающим стоять в проходе файтерам и уже первым выскользнул в люк. Следом выскочили Столб с Крисом, за ними Арамис с Молчуном, а замыкали высадку вице-вигион Янек Бут и Знаток. Комбинезоны-хамелеоны стафлов сразу приобрели бурый оттенок, почти сливаясь с не такой уж и ровной, как оказалось при ближайшем рассмотрении, каменной поверхностью плато. Пригнувшись, файтеры побежали вдоль корпуса «сосиски» к тормозному щиту. Когда они оказались позади щита, скрывшего их от стрелков из-за пропасти, Скола быстрыми жестами показал, кому чем заниматься. Арамис и Молчун начали стрелять

вверх, по каменным фигурам, Знаток остался с ними, а четверка, возглавляемая вигионом, бросилась к храму.

Там все уже делалось согласно приказу. Двое файтеров (судя по информеру, Портос и Патрик Куперман) поливали огнем из лучевиков розовые заросли на скале — и розовое быстро превращалось в черное. Еще двое, Граната и Расуль, держали под прицелом переднюю кромку плато, переходившую в уступы. А четверо, встав в ряд, обрабатывали двери храма. Это были Лу Шеро, Таран, Ящик и Игрок. За ними с оружием на изготовку стояла еще одна четверка — Рон, Годзилла, Атос и Микаэль Таварес.

Крис, устремляясь к храму, еще раз подумал, что вряд ли храмовая охрана будет бить по священному плато, однако оставил свои мысли при себе — не он был здесь командиром. Так или иначе, но скрытые орудия пока молчали, не отвечая на огонь файтеров.

Бегущим от флаинга эфесам до храма оставалось еще порядочно, но им уже было видно, что двери не поддаются. Не поддаются излучателям — мощному оружию Стафла!

— Взрывать! — на бегу крикнул вигион. — Бить в одну точку, по центру!

Почти тут же из подствольников первой четверки вылетели гранаты — загрохотало,

засверкало, высокие створки окутались дымом. Еще один залп — и там наконец-то появилось отверстие с рваными краями. Четверка, опустив оружие, подошла ближе. Пары файтеров справа и слева продолжали молотить по скалам. Давно уже не розовая растительность всю горела, хоть и была мокрой после дождя, и к еще больше просветлевшему небу поднималась густая желтоватая дымная завеса.

Дальнейшее произошло очень быстро. Мелькнула в образовавшемся проеме чья-то рука — Крис успел заметить широкий зеленый рукав — и веером метнула в стоящую напротив дверей четверку что-то, похожее на россыпь мелких темных камешков. Они угодили в файтеров — рексы сработать просто не успели, — и бурые комбинезоны буквально взорвались. Взорвались на всех четверых стафлах, подступивших к дверям, и еще на одном из четверки за их спинами — Роне Дубровине. Остальные «камешки» упали на плато позади файтеров, и там загремело так, словно не мелочь это была, а тяжелые мины. Во всяком случае, защиту комбинезонов они пробиты чуть ли не шутя, и пять зеленых кружков на информере Криса налились кровавым цветом. Рон Дубровин, Лу, Таран, Игрок и Хенрик Ящик. Это было почти невероятно...

Все это длилось считанные мгновения. А

потом эфес из тех, что стояли за спинами пострадавшей четверки, Атос, полоснул по проему из лучевика — и рука в зеленом вскинулась к небу и вновь исчезла за дверями.

— Гранатами впритык к косяку, справа! — рявкнул в гарнитуре Криса Годзилла, и тут же трое уцелевших файтеров, которые расположились перед входом в храм, ударили из подствольников вплотную к дверному косяку.

Это сработало. Правая створка угрожающе наклонилась и с грохотом рухнула на камни, увлекая за собой и левую. Вход в святилище Беллиза был открыт.

Когда группа во главе с вигионом добежала до храма, туда уже ворвались трое не пострадавших эфесов. Скола, промчавшись по левой упавшей створке, бросился вслед за ними, перепрыгнув через лежащее на мраморном полу тело — разрезанное лучом излучателя надвое, в обрывках длинного зеленого плаща. И резко остановился. Янек Снайпер чуть не налетел на него, а Крис со Столбом замерли у входа.

— Все прикрытие сюда, — приказал Скола. — Пилотов не забудьте. И раненых тоже. Только осторожно, не зевайте.

Он не добавил: «И убитых», хотя на информере Криса кружки «11» и «15» из красных стали зловеще черными. Рон Дубровин и Томаш

Игрок выбыли из строя. Пилоты-полы, разумеется, в информерах файтеров не значились, поэтому пока было неизвестно, в каком состоянии находится дубль Шарль.

Стоило Крису бросить взгляд вглубь храма, как ему стало понятно, почему вигион перестал спешить.

— Здесь только на спидо гонять, — пробормотал Столб, стоя рядом с Габлером.

С ним нельзя было не согласиться.

Перед файтерами простирался уходящий вдаль пустой прямоугольный зал с беломраморными стенами и полом, покрытым плотно подогнанными одна к другой квадратными плитами. Стыки были едва заметны. От самого входа к дальней стене тянулись справа и слева два ряда гладких круглых колонн — близнецов тех, что подпирали карниз, — без какого-либо подобия украшений. На колоннах держался потолок. Вдалеке, между этими рядами, был изображен на стене все тот же золотистый знак: круг, вписанный в равносторонний треугольник. И хотя тут не было ни одного окна, в зале было светло, как в полдень. И серый утренний свет, проникающий сюда через открытый вход, явно не имел к этому никакого отношения. Создавалось впечатление, что светятся сами мраморные плиты. Возможно, так оно и было, хотя Габлеру никогда не доводилось видеть столь

странного мрамора. Да, зал был весьма широк, хотя и гораздо больше в длину, но намного уже, чем сам храм. С обеих его продольных сторон, вероятно, располагались еще какие-то помещения. Об этом можно было судить по полукруглым аркам проходов; проходы через равные промежутки испещряли стены справа и слева, но находились не напротив друг друга, а по диагонали. Как бегло прикинул Крис, таких арок тут было десятка два, не меньше.

Двое файтеров с лучевиками на изготовку шагали парой, переходя от колонны к колонне и удаляясь в глубину зала. Атос осматривал левый ряд, а Годзилла правый. Заодно они поглядывали на проходы, но из-под арок никто не выскакивал. Сзади их страховал Микаэль Таварес. Комбинезоны всех троих уже приобрели цвет белого мрамора, и можно было бы принять эфесов за статуи, сошедшие с пьедесталов. Только тут не было статуй.

— Ни статуй тебе, ни хрена, — словно подслушав мысли Криса, сказал Столб. — Стоило строить такой сарай для хранения воздуха...

А Крис подумал, что мраморный параллелепипед на каменной равнине, у входа в который они со Столбом стояли, может быть всего лишь огромной прихожей. А сам храм Беллиза спрятан под плато, и неизвестно, до какой глубины

доходят его скрытые от чужих глаз помещения.

Вигион сделал им знак оставаться на месте и на пару с Янеком Снайпером направился к первой арке слева.

— Юрий, как там у вас? — спросил он.

— Пока чисто, — отозвался Годзилла, поднимая руку в перчатке. — Похоже, тут делали генеральную уборку.

— И все подчистую вынесли, — вставил Атос.

— Или обокрали, — добавил Микаэль Таварес.

Вигион и Снайпер скрылись под аркой. Крис и Столб переглянулись, и долговязый файтер едва заметно пожал плечами: мол, приказано стоять, значит, надо стоять. На информере Криса кружки командиров продолжали гореть ровным зеленым огнем.

— Пусто, — раздался в его гарнитуре голос вигиона. — Точно, все вынесли. Коридор — хоть шары катай. Ладно, сейчас разберемся.

Через несколько секунд Скола и вице-вигион вынырнули из прохода. Лучевики они так и не опускали. Тройка Годзиллы была уже у дальней стены.

Командиры остановились у трупа — двух зеленых пятен на белом.

— Осмотри, — сказал вигион напарнику и направился к дверному проему, где продолжал

столбом стоять Столб, и за компанию с ним — Габлер. Оба с излучателями на изготовку.

Скола поравнялся с ними, шевельнул усами и, прищурившись, окинул взглядом эфесов, которые стягивались к храму. Эфесы несли двоих пострадавших, а еще трое продолжали лежать напротив входа, и комбинезоны их выглядели весьма плачевно. И это при том, что система регенерации уже всюю работала, стараясь затянуть прорехи в боевом облачении.

— И чего вы тут стоите, ребята? — проведя рукой по волосам, вкрадчиво обратился вигион к Габлеру и Пекке Йокеле, Столбу. — Помогайте, не спите. В полете не надрыхлись, что ли?

Те сразу бросились к неподвижным телам. Подхватили Лу Шеро — лицо у него было бледное, глаза закрыты — и чуть ли не бегом вернулись в храм. Хотя от их поспешности не зависело ровным счетом ничего.

...Через несколько минут вся вигия была в сборе. Плюс два полицейских пилота. Коренастый курчавый Шарль дошел своими ногами, ничего страшного с ним не случилось. Кресло самортизировало, ремни не дали вывалиться и удариться головой обо что-нибудь твердое. А молчание дубля объяснялось тем, что у него временно пропал голос после вознесения в высоту и низвержения на каменную плоскость. Прежде чем

покинуть свою летающую машину, он по-хозяйски свернул тормозной щит, чтобы порывом ветра флаинг не сбросило в ущелье.

Двое файтеров наблюдали за арками справа и слева, другая двойка заняла позиции у входа, пострадавшие лежали у стены, а остальные кружком стояли между первой парой колонн. Шлемы у всех были откинuty назад, а информеры висели на груди.

— Спасибо, парни. — Вигион снял перчатку и пожал руку обоим пилотам. — И техника у вас неплохая, и вы сами молодцы. И тормозилка толковая, не видывал еще таких.

— А сколько спорили из-за нее, — просипел дубль-пилот Шарль. — Излишество, мол...

— Совсем не лишнее излишество! — хохотнул Годзилла. Черное лицо его лоснилось от пота. Он с Атосом и Микаэлем прошел зал до конца и никого не обнаружил. Под арки они, понятное дело, не лезли. — Без такого излишества лежали бы сейчас в пропасти.

— Как отбивные, — коротко добавил Снайпер.

Пилот Зулам расстегнул ворот комбинезона и с недобрый прищуром посмотрел на Андреаса Сколу:

— Ведь говорили же тебе, командир: не надо сюда соваться!